

Научная статья

УДК 94(571.1)

doi: 10.17223/19988613/98/3

Дифференциация заработной платы и проблемы мотивации труда в контексте решения ключевых задач индустриального освоения Западной Сибири в период первой пятилетки (1928–1932 гг.)

Евгения Валентиновна Демчик¹, Карина Павловна Прибыткова²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ demtchikev@mail.ru

² i@karina-p.ru

Аннотация. Исследуется дифференциация заработной платы в промышленности и строительстве Западной Сибири в качестве инструмента мотивации труда в период первой пятилетки. Показана существенная профессиональная дифференциация заработной платы на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Определено усиление отраслевых различий в оплате труда в промышленности после начала в 1931 г. тарифной реформы. Установлено, что дифференциация материального вознаграждения играла заметную роль в решении задачи обеспечения предприятий и строек рабочей силой, но не являлась действенным стимулом для роста производительности труда.

Ключевые слова: советская индустриализация, первый пятилетний план, дифференциация оплаты труда, мотивация труда, Западная Сибирь, Кузбасс, Кузнецкий металлургический комбинат

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 25-18-00507: «Эволюция мотивации труда в ходе реализации советского индустриального проекта: дифференциация зарплаты в промышленности первых пятилеток (аналитика региональных данных)» (руководитель Л.И. Бородин).

Для цитирования: Демчик Е.В., Прибыткова К.П. Дифференциация заработной платы и проблемы мотивации труда в контексте решения ключевых задач индустриального освоения Западной Сибири в период первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 23–33. doi: 10.17223/19988613/98/3

Original article

Differentiation of Wages and Problems of Labor Motivation in the Context of Solving Key Tasks of Industrial Development of Western Siberia During the First Five-Year Plan (1928–1932)

Evgeniya V. Demchik¹, Karina P. Pribytkova²

^{1, 2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ demtchikev@mail.ru

² i@karina-p.ru

Abstract. The aim of this article is to examine and evaluate wage differentiation in the industrial and construction sectors of Western Siberia as a tool for labor motivation during the implementation of the First Five-Year Plan (1928–1932). The authors examine how differences in remuneration influenced workforce recruitment and labor productivity dynamics at key industrial sites in the region: the coal industry of Kuzbass and the construction of the Kuznetsk Metallurgical Plant (KMK). The study is based on the following sources: statistical data on average wages of workers and employees across labor sectors and industrial production, published in statistical handbooks on the economy of the West Siberian region and economic publications from the late 1920s to the mid-1930s dedicated to the construction of KMK and the development of the Kuznetsk coal basin, as well as memoirs of KMK construction participants, including the project's chief S.M. Frankfurt.

The first part of the article analyzes wage differentiation in the construction sector. It demonstrates that in 1929 and 1930 wages at KMK construction sites significantly exceeded (by 52.3% and 32.3%, respectively) the regional averages for Western Siberian construction. Skilled construction workers (bricklayers) earned substantially more than unskilled laborers (diggers). Moreover, the wage gap at KMK was more notable than in the average construction sector of Western Siberia and the USSR.

The second part examines wage differentiation in the industrial sector. The authors establish that despite the strategic importance of coal mining, wages in this industry remained relatively low in 1929–1930. The 1931 tariff reform intensified inter-sectoral wage differentiation. In 1929, the wage ratio between metallurgy and textile workers was 1.64, but by 1932 it had risen to 2.2. In coal mining, workers' wages relative to the regional industrial average increased from 99.6% in 1929 to 111.4% in 1932.

The authors conclude that wage levels at enterprises or construction sites played a significant role in workers' job choices and influenced labor turnover but failed to serve as an effective incentive for productivity growth. As the study shows, managers at KMK construction sites and Kuzbass coal mines met production targets primarily by mobilizing additional labor force, resorting to overtime work, or lowering quality standards.

Keywords: Soviet industrialization, first five-year plan, wage differentiation, labor motivation, Western Siberia, Kuzbass, Kuznetsk Metallurgical Plant

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00507: Evolution of labor motivation during the implementation of the Soviet industrial project: differentiation of wages in industry during the first five-year plans (analysis of regional data).

For citation: Demchik, E.V., Pribytkova, K.P. (2025) Differentiation of Wages and Problems of Labor Motivation in the Context of Solving Key Tasks of Industrial Development of Western Siberia During the First Five-Year Plan (1928–1932). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98, pp. 23–33. doi: 10.17223/19988613/98/3

Введение

Весной 1929 г. XVI конференция ВКП(б) и V съезд Советов СССР, утвердив первый пятилетний план развития народного хозяйства (1928–1932), определили приоритетные цели и задачи индустриализации страны (фактическая реализация пятилетки началась в октябре 1928 г.). Для достижения в перспективе полной независимости Советского Союза от импорта зарубежного сырья и оборудования план предусматривал форсированное развитие отраслей промышленности, производящих средства производства. Предполагалось резкое увеличение выработки электроэнергии, добычи угля, выпуска чугуна и стали. Планировалось построить около 1,5 тыс. крупных предприятий и объектов инфраструктуры, но скорое осознание нереалистичности такой задачи заставило партийно-государственное руководство сосредоточить капиталовложения на развитии 54, а затем и 14 наиболее значимых промышленных проектов [1. С. 140, 142].

Важное место в реализации задач первой пятилетки занимала Западная Сибирь, богатая запасами каменного угля в Кузнецком угольном бассейне (Кузбассе). XVI съезд ВКП(б), прошедший летом 1930 г., в своей резолюции среди приоритетов индустриализации на первое место поставил формирование на востоке страны мощной угольно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого комбината (УКК). В его состав вошли строящиеся металлургические гиганты – Магнитогорский и Кузнецкий заводы [2. С. 295]. В первые годы пятилетки проектная мощность Кузнецкого завода (позже – комбината) была увеличена с 360 тыс. тонн чугуна в год до 500 тыс., затем до 860 тыс. и, наконец, до 1,2 млн тонн [3. С. 109]. Строительство завода началось в мае 1929 г., при этом основные цехи предприятия предполагалось запустить в строй уже в конце 1931 г. [4. С. 21]. Ключевая роль в обеспечении сырьем металлургических заводов УКК и других предприятий Урала и Сибири отводилась Кузбассу. Запланированный для региона годовой объем добычи угля, которого следовало достичь к 1932 г., в ходе реализации пятилетнего плана был увеличен с 6 млн тонн до

10,5 млн [5. С. 53–54]. Источником роста угледобычи определялись масштабная реконструкция действовавших шахт и строительство новых в Прокопьевском, Ленинском, Кемеровском, Анжеро-Судженском и некоторых других угольных районах.

Индустриальные проекты требовали привлечения десятков тысяч новых рабочих как высокой, так и низкой квалификации. Поскольку в период первой пятилетки Сибирь оставалась аграрным регионом, пополнение трудовых коллективов квалифицированными кадрами осуществлялось в основном за счет вербовки рабочих из других регионов СССР. Однако острая потребность в рабочей силе по всей стране существенно ограничивала возможности этой практики. Подавляющее большинство рабочих прибывали на промышленные стройки, шахты и предприятия Сибири из местных деревень. Так, в 1930 г. в числе новых рабочих промышленности Западной Сибири вчерашние крестьяне составили 80%, в 1931 г. – 88%, в 1932 г. – 85%; на строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в 1932 г. – 90,5% [6. С. 85–87]. Большинство таких рабочих не имели профессиональной подготовки, в лучшем случае их трудовой опыт ограничивался сезонными работами в строительстве и угольной промышленности или кустарными промыслами. Перед хозяйственными руководителями вставали сложные задачи мотивации труда: закрепить вчерашних крестьян на рабочих местах, побудить их осваивать промышленные или строительные специальности и выполнять установленные нормы выработки.

Важным элементом в системе мотивации труда выступает дифференциация материального вознаграждения. Более высокие заработки в ключевых отраслях экономики и промышленного производства способствуют перераспределению рабочей силы в пользу приоритетных секторов индустриального развития. Дифференциация заработной платы в зависимости от производственного разряда, сложности и значимости профессии побуждает работников повышать квалификацию и осваивать востребованные производством специальности. Кроме того, строгая зависимость материального вознаграждения от результатов труда мотивирует

вирует рабочих трудиться интенсивнее и не допускать брака. Таким образом, дифференциация заработной платы способствует решению двух задач мотивации труда: привлечению работников на производство (в том числе квалифицированных кадров); созданию действенных стимулов для роста производительности и качества труда.

В середине 1920-х гг. в советской трудовой политике обозначился курс, направленный на сокращение дифференциации в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, который способствовал выравниванию зарплат в разных отраслях промышленности [7. С. 31]. Однако в ходе реализации первого пятилетнего плана руководство страны осознало необходимость активизировать материальные стимулы к труду с помощью усиления дифференциации денежного вознаграждения. Новый подход нашел отражение в знаменитой речи И.В. Сталина на совещании хозяйственных руководителей 23 июня 1931 г. в Москве [8]. Ряд тезисов, озвученных советским лидером, лег в основу тарифной реформы 1931–1933 гг., которая началась в металлургии и угольной промышленности в сентябре 1931 г. [9]. Главной задачей реформы провозглашалось искоренение «уравниловки» в оплате труда, что должно было привести к сокращению текучести кадров и существенному росту производительности труда.

В современной историографии советская политика в области оплаты труда в период первых пятилеток рассматривалась в рамках исследований, посвященных истории сталинской индустриализации [10, 11], взаимоотношениям между рабочим классом и властью [12], проблемам мотивации труда [13–15]. Как установил Р. Дэвис, в период с начала первой пятилетки и до упомянутого выступления Сталина 23 июня 1931 г. в СССР отсутствовала последовательная политика в сфере оплаты труда, и на практике уравнивательные тенденции сочетались с попытками повысить зарплатки в стратегически важных отраслях – угольной промышленности и металлургии [10. Р. 272; 11. Р. 82, 85]. Д. Фильцер обратил внимание на складывание на предприятиях в изучаемый период неформальных практик регулирования оплаты труда, которые стали следствием стремления хозяйственных руководителей повышать номинальные зарплаты рабочих в условиях дефицита рабочей силы [12. Р. 52–53, 118–119]. Ученые указали на ослабление стимулирующей функции заработной платы в первой пятилетке в связи с введением карточной системы распределения продовольствия [13] и резким ростом инфляции [15. С. 70–71].

Особое место в историографии проблемы занимает монография А.А. Ильюхова [16], посвященная эволюции советской политики в области оплаты труда, в том числе в период индустриализации. Автор детально проанализировал проведенную в начале 1930-х гг. реформу заработной платы, которая, по его оценке, привела к существенному усилению дифференциации в зарплатах рабочих разных отраслей и производственных групп. Важнейшим результатом реформы стало укрепление прямой связи между результатами труда и его оплатой, что превратило заработную плату

в действенный инструмент повышения производительности труда [16. С. 327].

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к проблемам оплаты труда в период советской индустриализации, малоизученным остается вопрос реальной дифференциации в зарплатах работников внутри отдельных отраслей и между профессиональными группами. Существующие в научной литературе оценки основаны на агрегированных общесоюзных данных или примерах организации оплаты труда на отдельных предприятиях преимущественно европейской части СССР. Проблема дифференциации оплаты труда в период индустриализации не изучалась на материалах сибирского региона. Кроме того, в историографии преобладает традиция рассматривать сужение или усиление дифференциации в качестве следствия директивных решений центральных органов власти, тогда как роль хозяйственных руководителей в формировании межотраслевых или профессиональных различий в оплате труда часто остается вне поля зрения ученых.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении и оценке дифференциации заработной платы в промышленности и индустриальном строительстве Западной Сибири в качестве инструмента мотивации труда в период реализации первого пятилетнего плана (1928–1932). Мы сосредоточим внимание на ключевых индустриальных объектах региона: угольной промышленности Кузбасса и строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК).

В качестве источников в исследовании использовались статистические данные о средних зарплатах рабочих и служащих по отраслям труда и промышленного производства, собранные сотрудниками Западносибирского управления народно-хозяйственного учета и опубликованные в статистических справочниках о развитии народного хозяйства Западно-Сибирского края [17, 18]. Особенность этих справочников – отсутствие единообразия в представлении обработанных статистических данных. Так, в справочниках разных лет различаются перечни отраслей промышленности, названия ряда отраслей, группы промышленно-производственного персонала и некоторые другие параметры. Названная особенность ограничила возможности для сравнительного анализа данных о заработной плате в некоторых отраслях в период первой пятилетки.

Ценные статистические сведения о заработной плате рабочих разных профессий, текучести кадров и производительности труда были получены нами из экономических изданий конца 1920-х – первой половины 1930-х гг., посвященных развитию Кузнецкого угольного бассейна [19, 20] и строительству КМК [3, 21].

В исследовании использовались источники личного происхождения, включающие воспоминания участников строительства КМК (Кузнецкстроя): хозяйственных руководителей, партийных работников и рядовых рабочих [22–25], а также мемуары Сергея Мироновича Франкфурта – начальника Кузнецкстроя и первого директора комбината [4]. При критическом анализе эти источники позволили понять некоторые детали организации оплаты труда на стройке и оце-

нить роль заработной платы в трудовой мотивации рабочих.

Дифференциация оплаты труда в строительстве

В табл. 1 представлена среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Западно-Сибирского края в основных отраслях труда несельскохозяйственного сектора в 1929–1931 и 1935 гг., а также отношение средних заработков в строительстве, транспорте, на предприятиях народной связи и торговли к заработной плате в крупной промышленности (взята за 100%). Данные за 1929–1931 гг. демонстрируют увеличение дифференциации в оплате труда в пользу строительства и транспорта за счет отраслей, менее связанных с решением задач индустриализации (народная связь, торговля, общественное питание). Более высокие заработки в строительстве в 1930 и 1931 гг. относительно заработной платы в крупной промышленности соответствуют значимой роли этой отрасли труда в решении ключевых задач индустриального развития Западной Сибири – строительстве КМК и шахт в угольных районах Кузбасса. Сведения о заработках рабочих и служащих края в отраслях труда за 1932 г. к настоящему времени обнаружить не удалось, но данные за 1935 г. указывают на произошедшее во второй пятилетке снижение средней заработной платы в строительстве по отношению к заработкам в промышленности. Это снижение стало следствием начавшейся в октябре 1931 г. тарифной реформы, направленной на повышение заработной платы в ключевых отраслях промышлен-

ного производства, а также запуска ряда промышленных предприятий. Так, в 1932 г. вошли в эксплуатацию шахты в новых угольных районах Кузбасса (Киселевском, Араличевском и др.) и первая очередь Кузнецкого металлургического комбината. Относительное сокращение заработков в строительстве создавало для строительных рабочих стимулы к освоению промышленных профессий.

Как следует из данных табл. 2, в 1929 и 1930 гг., несмотря на сохранение в политике государства уравнительного курса, заработки рабочих на стройке КМК значительно – на 52,3 и 32,3% – превышали средние в строительной отрасли Западно-Сибирского края, но в 1931 г. этот разрыв сократился до 12,5%. Согласно воспоминаниям С.М. Франкфурта, уровень заработной платы на строительстве комбината имел большое значение для привлечения рабочей силы. Он отмечал, что многие рабочие приезжали на стройку «за длинным рублем» [4. С. 32]. Начальник Кузнецкстроя в качестве примера привел разговор рабочих, подслушанный им в поезде: «Они подробно рассказывали, какой обед дают в Сталинграде, какие промтовары в распределителях Днепростроя, какую “спецуру” дают в Челябинске, каковы заработки на Магнитке» [4. С. 34]. Строительство КМК находилось в числе приоритетных проектов первой пятилетки, что означало привилегированное положение стройки в получении товарных фондов. Таким образом, рабочим Кузнецкстроя было легче, чем рабочим любых других строек и предприятий края, «превратить» заработную плату в товары, что повышало ее стимулирующее значение.

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Западно-Сибирского края в основных отраслях труда несельскохозяйственного сектора в 1929–1931, 1935 гг.*

Отрасли труда	Среднемесячная заработная плата, руб.				% к заработной плате в крупной промышленности			
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1935 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1935 г.
Крупная промышленность	62,33	69	82,58	186	100	100	100	100
Строительство	59,67	79	88,67	172	95,7	114,5	107,4	92,5
Транспорт	65,92	75,83	92,67	163	105,8	109,9	112,2	87,6
Народная связь	56,75	62,17	70,08	148	91	90,1	84,9	79,6
Торговля	53,33	62	70,25	124	85,6	89,9	85,1	66,7
Общественное питание	48,17	56,33	60,25	113	77,3	81,6	73	60,8

* Рассчитано по: [17. С. 401; 18. С. 98].

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих в строительной отрасли Западно-Сибирского края и на строительстве КМК в 1929–1931 гг., руб.*

Отрасль труда (строительный объект)	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Строительство	54,67	69	81,92
Строительство КМК	83,28	91,25	92,16
% к заработной плате в строительстве края	152,3	132,3	112,5

* Рассчитано по: [3. С. 151; 17. С. 401].

Руководство Кузнецкстроя активно использовало повышенные заработки как инструмент привлечения и удержания рабочих. По свидетельствам С.М. Франкфурта, несмотря на споры с секретарями краевого комитета ВКП(б), на строительных участках удавалось самостоятельно устанавливать систему оплаты труда и премирования [4. С. 47, 50]. Начальник Кузнецкстроя, вспоминая ход строительства КМК, выделял руково-

дителей, которые могли эффективно организовать работу и систему материального вознаграждения на своих участках [4. С. 29].

Повышенные заработки обеспечивали массовый приток рабочих на стройку. Так, в 1930 г. на Кузнецкстрой прибыло более 42 тыс. рабочих, в 1931 г. – более 96 тыс. Вместе с тем наблюдалась и крайне высокая текучесть, особенно в 1929–1930 гг. (табл. 3).

Как следует из воспоминаний С.М. Франкфурта, далеко не на всех участках строительства труд оплачивался без нарушений и задержек [4. С. 16, 128]. Но главной причиной текучести все же был недостаток жилья. Сам Франкфурт придерживался позиции: «нужно строить промышленность, завод, а не бараки», – поэтому многие рабочие рыли землянки или сооружали бараки своими силами [24. С. 45]. Когда ситуация

с жильем нормализовалась, политика оплаты труда, проводимая на стройке, стала давать более заметные результаты. Как показывают данные табл. 3, в 1931–1932 гг. текучесть на Кузнецкстрое постепенно снижалась, хотя и оставалась высокой. Негативное влияние на этот показатель, помимо тяжелых жилищно-бытовых условий, оказывал сезонный характер многих строительных работ.

Таблица 3

Текучесть рабочих кадров на строительстве КМК в 1929–1932 гг.*

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Среднее число рабочих	1 425	10 295	27 881	44 684
Количество прибывших рабочих	6 871	42 183	96 566	62 572
% к среднему числу рабочих	482,2	409,8	346,4	140
Количество уволенных рабочих	4 806	35 995	67 790	71 897
% к среднему числу рабочих	337,3	349,7	243,1	160,9

* Рассчитано по: [3. С. 149].

Таблица 4

Дневная заработная плата рабочих отдельных профессий в строительной отрасли Сибири и на строительстве КМК в мае–сентябре 1929 г.*

Профессии	В среднем в строительстве Сибири, руб.	Строительство КМК	
		руб.	% к заработной плате в Сибири
Землекопы	2,64	2,54	96,2
Бетонщики	2,71	4,02	148,3
Каменщики	2,72	3,64	133,8
Плотники	3,52	2,62	74,4

* Источник: [21. С. 16].

Таблица 5

Среднемесячная заработная плата рабочих в строительстве СССР и на строительстве КМК в 1930 г.*

Профессия	В среднем в строительстве СССР, руб.	Строительство КМК	
		руб.	% к строительству в целом
Землекопы	93,7	73,11	78
Бетонщики	94,7	97,82	103,3
Каменщики	94,5	115,8	122,4
Плотники	95,6	90,51	94,7

* Рассчитано по: [3. С. 151; 26. С. 134].

Высокая заработная плата на стройке Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1931 гг. была характерна в первую очередь для рабочих наиболее востребованных и квалифицированных профессий. Согласно данным табл. 4, в мае–сентябре 1929 г. на этом объекте, ключевом для индустриального освоения Западной Сибири, наблюдалась более выраженная, чем в среднем по региону, дифференциация в оплате труда между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Если в строительной отрасли Сибири соотношение зарплат квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 1,33 (3,52 руб. к 2,64 руб.), то на строительстве КМК – 1,58 (4,02 руб. к 2,54 руб.). Высокая профессиональная дифференциация на стройке сохранялась и в 1930 г., о чем свидетельствуют данные табл. 5. В то время как в строительстве СССР каменщики и землекопы в месяц зарабатывали почти одинаково (соотношение 1,02), на Кузнецкстрое соотношение в оплате труда рабочих этих профессий по-прежнему составляло 1,58.

Как видно из табл. 4, в мае–сентябре 1929 г. бетонщики и каменщики на строительстве КМК зарабатывали значительно больше, чем рабочие этих же спе-

циальностей в среднем в Сибири. Данные табл. 5 позволяют предположить, что относительно высокие заработки каменщиков сохранились и в 1930 г. Такая ситуация была обусловлена спецификой начального этапа строительства. Как отмечал С.М. Франкфурт, на Кузнецкстрое тогда преобладало упрощенное представление: «будет готово здание – будет запущен и цех» [4. С. 55]. В результате труд бетонщиков, занимавшихся заливкой фундаментов цехов и производственных печей, а также каменщиков, выполнявших как обычную кладку цеховых помещений, так и сложную огнеупорную кладку доменных и мартеновских печей, оплачивался высоко.

Свидетельства участников строительства КМК указывают, что каменщики нередко работали по несколько суток без перерыва [23. С. 96], особенно на ответственных участках, где обнаруживалось отставание от плана. Такая интенсивность труда, включавшая значительный объем сверхурочных работ, существенно повышала средние заработки каменщиков по сравнению с рабочими других строительных специальностей.

Огромные масштабы строительства Кузнецкого металлургического комбината создавали острую по-

требность в квалифицированных каменщиках. Как видно из табл. 5, заработки каменщиков, строивших КМК, значительно превышали средние для этой профессии в СССР, что активно использовали вербовщики для привлечения рабочих данной специальности из других регионов страны. Так, в мае 1930 г. на стройку прибыли около тысячи каменщиков из Калуги [22. С. 73]. Однако практика вербовки нередко сопровождалась нарушениями: вербовщики завышали расценки в договорах, что приводило к конфликтам.

Ярким примером такого конфликта служит ситуация, описанная М.А. Павлюшиным, калужским каменщиком, а в будущем плановиком на одном из участков Кузнецкстрое. Группа каменщиков, обнаружив расхождение между обещанными и реальными условиями оплаты труда, отказалась приступать к работе и покинула стройку. С.М. Франкфурту удалось удержать остальных рабочих, пообещав немедленно устранить «недоразумения» [22]. Начальник стройки осознавал критическую важность квалифицированных кадров для успеха строительства в сибирских условиях: по его распоряжению к каждому каменщику были прикреплены по 3–4 чернорабочих, которые через два месяца работы приобретали специальность, востребованную на Кузнецкстрое.

Источники позволяют выявить причины низкой оплаты труда землекопов на строительстве КМК, отраженной в табл. 4, 5. Они заключались в том, что основную рабочую силу для рытья котлованов составляли спецпереселенцы, а также в большинстве случаев принудительно направленные на стройку шорцы и казахи, никогда не работавшие в строительстве [25. С. 96, 102]. Кроме того, земляные работы выполнялись практически вручную: первые экскаваторы появились на стройплощадке лишь в конце строительного сезона 1930 г. [3. С. 116].

Несмотря на срыв первоначального плана по запуску первой очереди комбината в конце 1931 г., уже в феврале 1932 г. была введена в эксплуатацию первая

батарея коксового цеха, в апреле – первая доменная печь, в сентябре – мартеновская печь, а в ноябре начал работу прокатный цех [27. С. 4]. Столь быстрое завершение первого этапа строительства комбината стало возможным за счет экстенсивных методов: массового привлечения дополнительных рабочих, широкого использования сверхурочного труда и снижения требований к качеству работ.

Таблица 6

Динамика натуральной выработки на строительстве КМК на 1 человеко-день в 1931 и 1932 г.*

Виды работ	Ед. изм.	1931 г.	1932 г.
Земляные работы	м ³	2,88	2,55
Бетонные работы		1,78	1,3
Кирпичная кладка	тыс. шт.	334,75	283,5
Огнеупорная кладка	тонн	2,03	0,9

* Рассчитано по: [3. С. 150].

Как свидетельствуют данные табл. 6, в год запуска основных цехов производительность труда строителей заметно снизилась. С.М. Франкфурт в своих воспоминаниях отмечал «скверное качество строительных и монтажных работ», из-за которого после формального ввода цехов в эксплуатацию приходилось еще долго устранять серьезные «недоделки» [4. С. 58, 62, 79, 87].

Дифференциация оплаты труда в промышленности

Данные табл. 7 демонстрируют наиболее существенный рост заработной платы в 1930 г. по сравнению с 1929 г. в ключевых для первой пятилетки отраслях промышленности: в металлургии заработки увеличились на 12,5%, на электростанциях – на 16,7%. В каменноугольной промышленности, напротив, в этот же период заработная плата увеличилась только на 7% и оставалась на уровне средней в промышленности, что не соответствовало значению отрасли в решении задач индустриализации Западной Сибири.

Таблица 7

Среднемесячная заработная плата рабочих в отдельных отраслях крупной промышленности Западно-Сибирского края в 1929–1932 гг.*

Отрасли промышленности	Среднемесячная заработная плата, руб.				% к средней заработной плате в крупной промышленности			
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Вся промышленность	58,95	63,46	75,35	104,92	100	100	100	100
Электростанции	63,53	74,15	83,29	124,25	107,8	116,9	110,5	118,4
Каменноугольная	59,07	63,23	79,88	116,83	100,2	99,6	106	111,4
Металлургическая	70,46	79,28	89,02	124,42	119,5	124,9	118,1	118,6
Кожевенная	58,39	61,92	62,92	70	99,1	97,6	83,5	66,7
Текстильная	42,93	42,19	50,56	56,67	72,8	66,5	67,1	54
Полиграфическая	68,28	71,73	71,49	92,75	115,8	113	94,9	88,4

* Рассчитано по: [17. С. 412; 18. С. 104].

Примечание. Для составления таблицы и расчетов использовались данные из двух статистических изданий: [17, 18]. В анализ включены те отрасли промышленности, которые представлены в обоих изданиях. Нашим допущением стало отнесение «металлической промышленности» из справочника 1932 г. [17] к металлургической отрасли. В статистическом справочнике 1936 г. [18] текстильная промышленность разделена на хлопчатобумажную и льняную отрасли. Однако данные о заработной плате в хлопчатобумажной промышленности за 1932 г. отсутствуют, поскольку Барнаульский меланжевый комбинат – первое крупное предприятие этого профиля в регионе – в тот период находился в стадии строительства. В связи с этим для расчета средней заработной платы в текстильной промышленности за 1932 г. были использованы показатели по льняной промышленности. За 1929–1931 гг. в таблице приведена средняя заработная плата рабочих, включая учеников, за 1932 г. – только рабочих. Это различие не влияет на достоверность выводов исследования, поскольку рассчитывалось отношение заработной платы в разных отраслях к средней в крупной промышленности.

Таблица 8

Текущесть рабочих кадров (включая учеников) в отдельных отраслях крупной промышленности Западно-Сибирского края в 1929, 1930 и 1931 гг. (в % к среднему числу рабочих)*

Отрасли промышленности	1929 г.		1930 г.		1931 г.	
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло
Вся промышленность	272,1	243,1	327,2	300,4	210,6	187,5
Электростанции	81,9	70,9	144	118,5	144,6	129
Каменноугольная	344	314,1	442	426,5	225,3	188,4
Металлургическая	180,2	133,2	195	152,4	187,8	149,1
Кожевенная	210,9	180,8	228,9	205	184,9	168,6
Текстильная	54,2	60,7	95,3	79,6	105	106,2
Полиграфическая	166,4	95,7	124,3	114,7	102,3	103,8

* Источник: [17. С. 403].

В табл. 8 показаны значительные различия в уровне текущесть кадров между отраслями промышленности Западно-Сибирского края в 1929–1931 гг. Особенно выделяется каменноугольная промышленность, где в 1930 г. уволилось 426,5% от среднего числа рабочих в этом году, что более чем в пять раз превысило аналогичный показатель в текстильной отрасли (79,6%).

Чрезвычайно высокий уровень текущесть кадров в угольной промышленности в 1929–1930 гг. объяснялся сочетанием крайне тяжелых условий труда и относительно низкой заработной платы (см. табл. 7). Проблемой выступал низкий уровень механизации угледобычи на шахтах Кузбасса: в 1929 г. он составлял только 10,2%, в 1930 г. – 22,4% [20. С. 27]. В этих условиях для выполнения постоянно растущих плановых заданий руководство шахт вынужденно привлекало дополнительную рабочую силу. Новые рабочие, не имея необходимой подготовки, демонстрировали низ-

кую производительность труда, что, в свою очередь, ограничивало возможности повышения заработной платы. Возникал замкнутый круг: тяжелые условия труда и недостаточное вознаграждение вызывали высокую текущесть, а постоянный приток неподготовленных кадров, в свою очередь, препятствовал росту производительности и повышению зарплаток.

Сохраняя официальный курс на уравнивательность в оплате труда, государство еще до тарифной реформы 1931–1933 гг. предпринимало попытки повысить заработки рабочих на шахтах Кузбасса. В 1929 г. и дважды в 1930 г. на угольных предприятиях повышались тарифные ставки. Как следует из табл. 9, наиболее существенно они были подняты для квалифицированных подземных профессий: машинистов врубовых машин, запальщиков, подземных откатчиков и забойщиков (в табл. 9 подчеркнуты подземные профессии, а также значительные повышения ставок – на 19–20% и более).

Таблица 9

Динамика тарифных ставок для рабочих каменноугольной промышленности Кузбасса в 1928–1931 гг.*

Профессия	Разряд	Единица измерения	Период действия тарифных ставок						01.01.1931 г. в % к 1928 г.	
			1928 г.	1929 г.	1930 г.		1931 г.			
					с 01.01	с 01.10	01.01	15.2		01.10
<u>Машинисты врубамашин</u>	11	руб.	2,62	2,73	3	3,8	4,1	5,1	7	267,2
		% к пред. периоду	–	104,2	109,9	<u>126,7</u>	107,9	<u>124,4</u>	<u>137,3</u>	
<u>Запальщики</u>	9	руб.	1,95	2,46	2,94	3,52	3,63	3,63	4,8	246,2
		% к пред. периоду	–	<u>126,2</u>	<u>119,5</u>	<u>119,7</u>	103,1	100	<u>132,2</u>	
<u>Откатчики подземные</u>	7	руб.	1,57	1,64	1,95	2,2	2,3	3	3,5	222,9
		% к пред. периоду	–	104,5	<u>118,9</u>	112,8	104,6	<u>130,4</u>	116,7	
<u>Забойщики</u>	10	руб.	2,62	2,73	3	3,6	3,8	4,5	5,75	219,5
		% к пред. периоду	–	104,2	109,9	<u>120</u>	105,6	<u>118,4</u>	<u>127,8</u>	
<u>Коногоны</u>	7	руб.	1,76	1,83	1,9	2,2	2,3	2,75	3,5	198,9
		% к пред. периоду	–	104	103,8	115,8	104,6	<u>119,6</u>	<u>127,3</u>	
Лесодоставщики	6	руб.	1,76	1,83	1,87	1,87	2,06	2,5	3	170,5
		% к пред. периоду	–	104	102,2	100	110,2	<u>121,4</u>	<u>120</u>	
Откатчики поверхностные	3	руб.	1,27	1,33	1,38	1,43	1,57	1,57	1,95	153,5
		% к пред. периоду	–	104,7	103,8	103,6	109,8	100	<u>124,2</u>	

* Рассчитано по: [19. С. 206].

Примечание. Для уточнения разряда профессии и места работы (под землей или на поверхности) использовались тарифный справочник для рабочих Прокопьевского угольного района [28] и Постановление Президиума ВСНХ СССР и ВЦСПС от 20 сентября 1931 г. «О перестройке системы заработной платы в металлургии и угольной промышленности» [9].

Как показывают данные табл. 8, повышения тарифных ставок, реализованные в 1929–1930 гг., не привели к ожидаемому результату: угольная промышленность так и не приобрела статус высокооплачиваемой отрасли, необходимый для привлечения и закрепления работников.

В 1931 г. ставки в угольной промышленности Кузбасса обновились еще три раза: дважды до тарифной

реформы и один раз в рамках реформы (01.10.1931). Повышения ставок, осуществленные в этом году, были заметными и для рабочих низко- и среднеквалифицированных профессий: коногонов, лесодоставщиков и откатчиков, работавших на поверхности (см. табл. 9). В результате, как следует из данных табл. 7, в 1931 г. средняя заработная плата в каменноугольной промышленности выросла на 26,3%, и в этом году она

составила 106% к зарплате в крупной промышленности, а в следующем году – 111,4%.

Тарифная реформа началась в 1931 г. в угольной промышленности и металлургии и в 1932 г. продолжилась в других отраслях. Ее результатом стало усиление межотраслевой дифференциации в оплате труда. Согласно расчетам, выполненным на основе данных табл. 7, в 1929 г. соотношение зарплаты рабочих в металлургии и текстильной промышленности составляло 1,64, в 1932 г. – 2,2. Также заработки рабочих в кожевенной, текстильной и полиграфической промышленности значительно сократились по отношению к средней зарплате в крупной промышленности. Если в 1930 г. средняя заработная плата в кожевенной промышленности составляла 97,6%, то в 1932 г. – 66,7%. Аналогичная динамика наблюдалась в текстильной отрасли (снижение с 72,8 до 54%) и полиграфической промышленности (с 115,8 до 88,4%).

Усиление межотраслевой дифференциации заработной платы оказало влияние на проблему текучести кадров в промышленности. В угольной отрасли ситуация заметно улучшилась: если в 1930 г. текучесть составляла 426,5%, то в 1931 г. она снизилась до 188,4% (см. табл. 8) и в 1932 г. сохранялась примерно на том же уровне – 189,4% [19. С. 197].

Введение новых тарифных ставок в различных отраслях промышленности предполагало обязательный пересмотр норм выработки. Установление более точных и жестких нормативов позволило бы увеличить долю тарифной части в заработной плате рабочих, что создало бы условия для реализации ключевой задачи реформы – усиления межотраслевой дифференциации оплаты труда в пользу приоритетных отраслей (металлургии и угольной промышленности). Одновременно ужесточение нормирования должно было стимулировать рабочих к повышению производительности труда

для сохранения и роста уровня заработков. Таким образом, наряду с дифференциацией оплаты важнейшей целью реформы становилось повышение эффективности производства через рост производительности труда.

В 1931 г. для угольных районов Кузбасса был разработан новый тарифный справочник, который, согласно исследованию Н.И. Хромцова, посвященному вопросам организации труда в угольной промышленности региона, не получил практического применения из-за «чрезвычайной сложности» установления конкретных норм выработки [19. С. 202]. Это означало, что на шахтах продолжали действовать нормы, установившиеся эмпирическим путем [19. С. 201] – на основе реальных результатов труда рабочих, которые не всегда были следствием его максимальной интенсивности.

Организация нормирования на угольных предприятиях затруднялась острой нехваткой квалифицированных специалистов. Так, в 1929 г. на одного хронометражиста в Кузбассе приходилось 759 рабочих, а в 1934 г. – уже 2 738 [19. С. 204]. В таких условиях вопросы нормирования и оплаты труда фактически регулировались десятниками и бригадирами, что означало наличие широких возможностей для смягчения норм выработки.

За период 1928/1929–1932 гг. добыча угля в Кузбассе увеличилась более чем вдвое: с 3 млн тонн в 1928/29 г. до 7 млн тонн в 1932 г. Этот рост сопровождался почти двукратным увеличением численности рабочих (с 12,1 тыс. до 23,7 тыс. человек). В свою очередь, производительность труда в среднем возросла лишь на 15,8% (табл. 10) при росте механизации добычи угля с 10,2 до 45,2% [20. С. 27]. Параллельно наблюдался значительный рост заработной платы рабочих: в 2–2,5 раза по разным угольным районам за первую пятилетку.

Таблица 10

Заработная плата и производительность труда рабочих по добыче угля в угольных районах Кузбасса в 1928/1929 и 1932 г.*

Районы	Среднемесячная заработная плата (без коммунальных услуг), руб.			Среднемесячная производительность, т		
	1928/1929 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928/1929 г.	1928/1929 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928/1929 г.
Анжеро-Судженский	54,61	116,89	214	19,31	22,06	114,2
Кемеровский	52,24	126,34	241,8	21,21	24,23	114,2
Ленинский	57,58	112,09	194,7	21,25	21,23	99,9
Прокопьевский	54,31	114,71	211,2	22,47	31,91	142
Хакасский	53,2	104,23	195,9	24,42	18,82	77,1
Кузбассуголь	54,91	111,55	203,2	20,71	23,98	115,8

* Рассчитано по: [20. С. 65, 70].

Таблица 11

Динамика заработной платы и производительности труда рабочих по добыче угля в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг. (в % к предыдущему году)*

Районы	Показатели	1929/1930 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Анжеро-Судженский	Заработная плата	104,7	104,8	144	135,4
	Производительность труда	97	103,1	114,8	99,4
Кемеровский	Заработная плата	106,5	123,3	124,3	148,1
	Производительность труда	93,2	96,3	102	124,9
Ленинский	Заработная плата	111,9	102,9	130,8	129,3
	Производительность труда	117,3	95,9	94,1	94,4
Прокопьевский	Заработная плата	106,6	107,9	147,3	124,6
	Производительность труда	108	103,1	114,7	111,2

Окончание табл. 11

Районы	Показатели	1929/1930 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Хакасский	Зароботная плата	106,6	109,4	144,1	116,6
	Производительность труда	98,9	103,7	68,7	109,4
Кузбассуголь	Зароботная плата	106,7	105,4	142	127,2
	Производительность труда	103,6	101,2	106,7	103,5

* Рассчитано по: Среднемесячная зароботная плата рабочего по добыче угля (без коммунальных услуг) (в руб.) [20. С. 70]; Среднемесячная производительность рабочего по добыче угля (в т) [20. С. 65].

Анализ данных табл. 11 показывает отсутствие прямой корреляции между темпами роста зароботной платы и динамикой производительности труда в угольных районах Кузбасса. В большинстве случаев значительное увеличение вознаграждения не сопровождалось пропорциональным ростом производительности труда, что свидетельствует о слабой стимулирующей роли зароботной платы.

Современные исследования подвергают сомнению утверждение советской историографии о росте благосостояния рабочих в годы первой пятилетки [15, 29]. Ученые отмечают, что увеличение номинальной зароботной платы не поспевало за стремительной инфляцией, и это фактически сводило на нет рост доходов. В таких условиях усиление межотраслевой дифференциации в оплате труда способствовало перераспределению рабочей силы в пользу приоритетных отраслей промышленности. Гарантированная более высокая зароботная плата привлекала рабочих в угольную отрасль, но не мотивировала к повышению производительности труда. Хозяйственные руководители сознательно избегали радикального ужесточения норм выработки, опасаясь резкого роста текучести кадров, которая оставалась серьезной проблемой. В результате нормы могли быть низкими, а оплата труда строго не зависеть от его результатов.

Заклучение

Проведенное исследование позволило установить наличие заметной дифференциации в оплате труда в промышленности и строительстве Западной Сибири в период с начала первой пятилетки и до официального отказа партийно-государственного руководства от уравнительной политики после выступления И.В. Сталина в июне 1931 г. на совещании хозяйственников в Москве и начала в сентябре того же года тарифной реформы. Степень этой дифференциации зависела от места отрасли или отдельного индустриального проекта в магистральных целях первого пятилетнего плана, важности профессии для выполнения производственных заданий, а также от инициативы и усилий конкретных хозяйственных руководителей. Установлено, что зароботки рабочих на строительстве Кузнецкого металлургического комбината в 1929 и 1930 гг. значительно (на 52,3 и 32,3%) превышали средние в строительной отрасли региона. Также в этот период на Кузнецкомстрое была более заметной профессиональная дифференциация в оплате труда: в 1929 и 1930 гг. соотношение зароботной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 1,58, что заметно превышало аналогичный показатель в строительстве Сибири (1,33 в 1929 г.) и СССР в целом

(1,02 в 1930 г.). Политика государства в области оплаты труда в обозначенный период не определялась исключительно идеологическими ориентирами на равенство и включала реальные попытки с помощью повышения тарифных ставок усилить дифференциацию материального вознаграждения в пользу приоритетных отраслей промышленности, хотя объективные производственные условия (как в угольной промышленности региона) препятствовали таким попыткам.

Анализ динамики средней зароботной платы в различных отраслях промышленности Западной Сибири показал, что тарифная реформа 1931 г. привела к усилению межотраслевой дифференциации оплаты труда. В 1929 г. соотношение зароботок рабочих в металлургии и текстильной промышленности составляло 1,64, а к 1932 г. увеличилось до 2,2. В угольной промышленности зарплата рабочих относительно средней в крупной промышленности края выросла с 99,6% в 1929 г. до 111,4% в 1932 г. В то же время в строительстве наблюдалась обратная тенденция: если в 1930 г. зароботная плата рабочих и служащих составляла 114,5% относительно средней в промышленности, то к 1935 г. снизилась до 92,5%.

Изучение дифференциации оплаты труда в качестве инструмента трудовой мотивации на примере строительства Кузнецкого металлургического комбината и угольной промышленности Кузбасса позволило установить, что размер зароботной платы на предприятии или стройке играл важную роль для рабочих при выборе места работы и оказывал влияние на текучесть кадров, но не стал действенным стимулом для роста производительности труда. Как показывает исследование, хозяйственные руководители на строительных участках КМК и угольных шахтах Кузбасса выполняли плановые задания за счет привлечения дополнительной рабочей силы, обращения к сверхурочному труду или снижения требований к качеству работы. Несмотря на существенное сокращение показателей текучести к концу пятилетки, эта проблема оставалась крайне острой, что определяло слабую заинтересованность руководителей в поиске способов повышения производительности труда, связанных с ужесточением требований к рабочим и угрожавшим снижению их зароботной платы.

Для решения таких проблем мотивации труда, как высокая текучесть кадров и низкая производительность труда, требовались более значительное повышение зароботной платы, устранение товарного дефицита, улучшение жилищно-бытовых условий, а также активизация принудительной составляющей в оплате труда с помощью установления для рабочих более точных и жестких норм выработки. Необходимость

усиления не только межотраслевой дифференциации материального вознаграждения, но и зависимости между заработной платой и результатами труда заставит

партийно-государственное руководство продолжить корректировать политику в области оплаты труда рабочих уже во второй пятилетке.

Список источников

1. Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. : Политиздат, 1984. 304 с.
2. Резолюция XVI съезда по отчету ЦК // XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. С. 293–299.
3. Кузнецкий металлургический комбинат имени тов. И.В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). Л. : Тип. Акад. наук СССР, 1934. 208 с.
4. Франкфурт С.М. Рождение стали и человека : очерки о создании Кузнецкстроя. М. : Старый большевик, 1935. 272 с.
5. Заболотская К.А., Халиуллина А.А., Карпенко З.Г. и др. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово : Кн. изд-во, 1997. 301 с.
6. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 300 с.
7. Бородин Л.И. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих на закате нэпа: между «уравниловкой» и стимулированием труда // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 27–37.
8. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М. : Парт. изд-во, 1933. С. 586–603.
9. О перестройке системы заработной платы в металлургии и угольной промышленности : постановление Президиума ВСНХ СССР и ВЦСПС от 20.09.1931 // Правда. 1931. 22 сент. № 262 (5067).
10. Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1998. Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. 601 p.
11. Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1996. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. 612 p.
12. Filtzer D. Soviet workers and Stalinist industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London : Pluto Press, 1986. 324 p.
13. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 39–80.
14. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
15. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
16. Илюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 416 с.
17. Западно-Сибирский край : материалы по экономике края. Новосибирск : ОГИЗ, Западносиб. отд-ние, Западносиб. управление народнохозяйственного учета, 1932. 541 с.
18. Западно-Сибирский край в цифрах, 1936 г. : краткий стат. справочник. Новосибирск : Западносиб. управление народнохозяйственного учета, 1936. 164 с.
19. Хромцов И.Н. Труд // Вторая угольная база СССР Кузбасс : сб. ст. : в 3 ч. Новосибирск : Науч.-техн. изд-во, 1936. Ч. 2, кн. 1: Техника производства и экономика Кузбасса. С. 196–208.
20. Вторая угольная база СССР Кузбасс : сб. ст. : в 3 ч. Новосибирск : Науч.-техн. изд-во, 1935. Ч. 3: Кузбасс в цифрах. 86 с.
21. Бюллетень Кузнецкстроя / под ред. И.А. Бородин. Томск : Красное знамя, 1929. 51 с.
22. Павлюшин М.А. Кто вы: рабочие или нет? // Кузнецкстрой : (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1934. С. 73–74.
23. Шидек В.Я. Начать соревнование нужно // Кузнецкстрой : (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1934. С. 93–97
24. Безлодная Х.В. // Фойт Л.И. Женщины Кузнецкстроя : воспоминания, документы, фотографии. Новосибирск : Лотус, 2024. С. 40–46.
25. Губина А.М. // Фойт Л.И. Женщины Кузнецкстроя : воспоминания, документы, фотографии. Новосибирск : Лотус, 2024. С. 94–112.
26. Труд в СССР : экон.-стат. справочник / под ред. З.Л. Миндлина, С.А. Хейнмана. М. ; Л. : Гос. экон. изд-во, 1932. 182 с.
27. Техничко-производственные показатели работы Кузнецкого металлургического комбината за 5 лет в цифрах : 1932–1937 гг. Сталинск : Планово-производ. отд., 1937. 51 с.
28. Тарифный справочник для рабочих : приложение № 7 к колдоговору § 57 // Коллективный договор, заключенный между Прокопьевским районным управлением объединения Востуголь и Прокопьевским союзом горняков. [Б.м. : б.и.], 1931 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/1822070> (дата обращения: 18.06.2025).
29. Бородин Л.И. Жизнь в городе в годы первой пятилетки: «улучшение материального положения» или падение реальной зарплаты? // Вестник истории, литературы и искусства. 2010. № 7. С. 385–398.

References

1. Lelchuk, V.S. (1984) *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problem* [Industrialization of the USSR: History, Experience, Problems]. Moscow: Politizdat.
2. USSR. (1930) Rezolyutsiya XVI s"ezda po otchetu TsK [Resolution of the 16th Congress on the Report of the Central Committee]. In: *XVI s"ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [16th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim Report]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 293–299.
3. USSR. (1934) *Kuznetskiy metallurgicheskiy kombinat imeni tov. I.V. Stalina ot XVI k XVII s"ezdu VKP(b)* [Comrade I.V. Stalin Kuznetsk Metallurgical Plant from the 16th to the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Leningrad: USSR AS.
4. Frankfurt, S.M. (1935) *Rozhdenie stali i cheloveka: ocherki o sozdanii Kuznetskstroya* [The Birth of Steel and Man: Essays on the Creation of Kuznetskstroy]. Moscow: Staryy bol'shevik.
5. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A., Karpenko, Z.G. et al. (1997) *Ugel'naya promyshlennost' Kuzbassa, 1721–1996* [Coal Industry of Kuzbass, 1721–1996]. Kemerovo: Kn. izd-vo.
6. Moskovskiy, A.S. (1968) *Formirovanie i razvitie rabocheho klassa Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Formation and Development of the Working Class in Siberia During the Period of Socialist Construction]. Novosibirsk: Nauka.
7. Borodkin, L.I. (2022) *Differentsiatsiya zarabotnoy platy promyshlennykh rabochikh na zakate nepa: mezhdru "uravnilovkoj" i stimulirovaniem truda* [Wage Differentiation of Industrial Workers at the End of NEP: Between "Uravnilovka" and Work Incentives]. *Uralskiy istoricheskiy Vestnik*. 1(74). pp. 27–37.
8. Stalin, I.V. (1933) *Voprosy leninizma* [Problems of Leninism]. Moscow: Part. izd-vo. pp. 586–603.

9. USSR. (1931) O perestroyke sistemy zarabotnoy platy v metallurgii i ugol'noy promyshlennosti: postanovlenie Prezidiuma VSNKh SSSR i VTsSPS ot 20.09.1931 [On the Restructuring of the Wage System in Metallurgy and the Coal Industry: Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the National Economy of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions of 20.09.1931]. *Pravda*. 22nd September.
10. Davies, R.W. (1998) *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 3. Basingstoke; London: Macmillan Press.
11. Davies, R.W. (1996) *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4. Basingstoke; London: Macmillan Press.
12. Filtzer, D. (1986) *Soviet workers and Stalinist industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London: Pluto Press.
13. Sokolov, A.K. (2000) Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov) [Soviet Policy in the Sphere of Motivation and Work Incentives (1917 – Mid-1930s)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. 4. pp. 39–80.
14. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) “Krepost' sotsializma”: povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. [“Fortress of Socialism”: Everyday Life and Work Motivation at a Soviet Enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
15. Postnikov, S.P. & Feldman, M.A. (2009) *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Sociocultural Profile of Industrial Workers in Russia, 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN.
16. Ilyukhov, A.A. (2010) *Kak platili bol'sheviki. Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid. The Policy of Soviet Power in the Sphere of Wages, 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN.
17. Solonitsyn, N. et al. (1932) *Zapadno-Sibirskiy kray: materialy po ekonomike kraya* [West Siberian Territory: Materials on the Economy of the Territory]. Novosibirsk: OGIZ.
18. USSR. (1936) *Zapadno-Sibirskiy kray v tsifrakh, 1936 g.: kratkiy stat. spravochnik* [West Siberian Territory in Figures, 1936: A Brief Statistical Reference Book]. Novosibirsk: Zapadnosib. upravlenie narodnokhozyaystvennogo ucheta.
19. Khromtsov, I.N. (1936) Trud [Labor]. In: *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The Second Coal Base of the USSR Kuzbass]. Vol. 2(1). Novosibirsk: Nauch.-tekhn. izd-vo. pp. 196–208.
20. USSR. (1935) *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The Second Coal Base of the USSR Kuzbass]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauch.-tekhn. izd-vo.
21. Borodin, I.A. (ed.) (1929) *Byulleten' Kuznetskstroya* [Bulletin of Kuznetskstroy]. Tomsk: Krasnoe znamya.
22. Pavlyushin, M.A. (1934) Kto vy: rabochie ili net? [Who Are You: Workers or Not?]. In: Toom, L. (ed.) *Kuznetskstroy: (istoriya Kuznetskstroya v vospominaniyakh)* [Kuznetskstroy: (History of Kuznetskstroy in Memoirs)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo. pp. 73–74.
23. Shidek, V.Ya. (1934) Nachat' sorevnovanie nuzhno [It Is Necessary to Start Competition]. In: Toom, L. (ed.) *Kuznetskstroy: (istoriya Kuznetskstroya v vospominaniyakh)* [Kuznetskstroy: (History of Kuznetskstroy in Memoirs)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo. pp. 93–97.
24. Foygt, L.I. (2024a) *Zhenshchiny Kuznetskstroya: vospominaniya, dokumenty, fotografii* [Women of Kuznetskstroy: Memoirs, Documents, Photographs]. Novosibirsk: Lotus. pp. 40–46.
25. Foygt, L.I. (2024b) *Zhenshchiny Kuznetskstroya: vospominaniya, dokumenty, fotografii* [Women of Kuznetskstroy: Memoirs, Documents, Photographs]. Novosibirsk: Lotus. pp. 94–112.
26. Mindlin, Z.L. & Kheyman, S.A. (eds) (1932) *Trud v SSSR: ekon.-stat. spravochnik* [Labor in the USSR: Econ.-Stat. Reference Book]. Moscow; Leningrad: Gos. ekon. izd-vo.
27. USSR. (1937) *Tekhniko-proizvodstvennye pokazateli raboty Kuznetskogo metallurgicheskogo kombinata za 5 let v tsifrakh: 1932–1937 gg.* [Technical and Production Indicators of the Kuznetsk Metallurgical Plant's Work for 5 Years in Figures: 1932–1937]. Stalinsk: Planovo-proizvod. otd.
28. USSR. (1931) Tarifnyy spravochnik dlya rabochikh: prilozhenie № 7 k koldogovoru § 57 [Tariff Handbook for Workers: Appendix No. 7 to the Collective Agreement § 57]. In: *Kollektivnyy dogovor, zaklyuchennyy mezhdu Prokop'evskim raionnym upravleniem ob"edineniya Vostugol' i Prokop'evskim soyuzom gornyakov* [Collective Agreement Concluded Between the Prokopyevsk District Administration of the Vostugol Association and the Prokopyevsk Miners' Union]. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/1822070> (Accessed: 18th June 2025).
29. Borodkin, L.I. (2010) Zhizn' v gorode v gody pervoy pyatiletki: “uluchshenie material'nogo polozheniya” ili padenie real'noy zarplaty? [Life in the City During the First Five-Year Plan: “Improvement of Material Well-being” or a Fall in Real Wages?]. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*. 7. pp. 385–398.

Сведения об авторах:

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: demtchikev@mail.ru

Прибыткова Карина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: i@karina-p.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Demchik Evgeniya V. – Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: demtchikev@mail.ru

Pribytkova Karina P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: i@karina-p.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 02.07.2025; accepted for publication 15.11.2025